

Сегодня на уроке Дуань Лин постоянно вспоминал странный сон, приснившийся ему накануне, а Му Цин молчал. Чем больше он думал об этом, тем больше ощущал неправильность происходящего. Му Цин, похоже, знал об этих вещах больше, чем он сам — разве не он попросил тогда У Ду приготовить для него афродизиак?

У Ду застыл в оцепенении, время от времени бросая взгляд на Дуань Лина, а Чан Люцзюнь держал в руках «Тысячесловие»: небо черное, а земля желтая, космос беспредельно широк, вроде бы произносятся слова, но не решаясь издать ни звука.

После полудня У Ду вышел во двор, чтобы набрать под верандой горсть снега и вытереть им лицо. Пока его не было, Дуань Лин подтолкнул Му Цина.

— Эй, молодой господин, позволь спросить тебя кое о чем.

Вчера Дуань Лин ушел, не попрощавшись, и Му Цин был довольно раздражен этим, планируя не разговаривать с Дуань Лином утром в качестве наказания, но, к его удивлению, Дуань Лин сам завязал разговор, и Му Цин воспринял это как сигнал к тому, чтобы помириться, и вернулся к своему обычному поведению.

— Что? Ты хочешь снова пойти во дворец?

— О, нет, — Дуань Лин сразу же отмахнулся от этой идеи и наклонился ближе к Му Цину. — Ты видел... ну, знаешь, это?

— Что? — Му Цин понятия не имел, о чем идет речь, но тоже наклонился ближе к Дуань Лину.

Дуань Лин подумал, как ему лучше сформулировать вопрос, и решил просто спросить:

— Когда человек взрослый... когда он спит, он...

Му Цин вопросительно посмотрел на него.

— Мочится на кровать?

Му Цин, похоже, пришел к какому-то пониманию, а Дуань Лин напрягся и с большим трудом выдавил из себя эти слова.

Му Цин на мгновение затих, пока не смог больше сдерживаться.

— Пфф!

Он наклонился к его уху и шепотом объяснил ему, а Дуань Лин все это время казался совершенно недоверчивым.

— Разве ты не из семьи врачей? Как ты можешь не знать об этом?

— Я... я... я действительно понятия не имел. Мой отец никогда не объяснял мне ничего подобного.

Му Цин спросил Дуань Лина:

— Хочешь повеселиться? Я могу показать тебе, как это делается.

— О, нет, нет.

Дуань Лин еще не пришел в себя и не понял, на что намекает Му Цин. В его голове проносились образы: эротические иллюстрации, которые он видел в Цветочном павильоне, мальчик-проститутка, пришедший за ним, мускулистый мужчина, который ногой захлопнул за собой дверь, и он был настолько ошеломлен, что не знал, что и чувствовать, не говоря уже о том, что сказать.

— Молодой господин...

Чан Люцзюнь лежал на низкой кушетке и дремал, прикрыв лицо копией «Тысячесловия», и голос его звучал как-то не так.

Подбородок Дуань Лина чуть не упал на пол.

Чан Люцзюнь говорил голосом, удивительно похожим на тот, который он слышал раньше: «Молодой господин, вы так красивы. Почему бы мне не спеть вам песню?»

Тот, кто был в Цветочном павильоне той ночью, — Чан Люцзюнь! Мир Дуань Лина в мгновение рухнул.

— Ты-ты-ты... Чан Люцзюнь, это ты! — Дуань Лину стало так стыдно, что ему захотелось вырыть себе яму и заползти в нее.

— Хотите повеселиться, молодой господин? — ответил Чан Люцзюнь. — Хм?

Дуань Лин вдруг понял, что Чан Люцзюнь был там, чтобы присматривать за ним и У Ду той ночью! А карета поместья Му, которую видел Лан Цзюнься, на самом деле принадлежала Му Цину! Иными словами, Му Куанда все это время знал, что У Ду и Цай встречались наедине!

Дуань Лин прикинул в уме и оправился от удивления. Но все же ему стало неловко. Раз Чан Люцзюнь и Му Цин не смущались, значит, и он не должен был смущаться.

— А вы часто туда ходите? — спросил Дуань Лин.

— Только чтобы немного развлечься, — ответил Му Цин. — А разве У Ду не водил тебя туда же? Или У Ду... тебя...

— Нет, — Чан Люцзюнь, однако, все прекрасно понимал и сказал, прикрывая лицо книгой. — У Ду — хренов праведник*, понимаешь? Нянчится со своим приемышем, как с драгоценностью — ну, посмотрим, как долго он продержится.

* В оригинале Чан Люцзюнь говорит «Люся Хуэй». Люся Хуэй был муниципальным советником в маленьком царстве Лу. Для него честность являлась высшей заповедью, и у него было мужество не отступать от нее даже, если дело касалось людей с высоким положением или имеющих большое влияние среди народа. В то же время его отличало великодушие по отношению к другим. Короче говоря, он аллегория честности и праведности.

Больше всех удивился Му Цин. Дуань Лин сразу же оборвал его.

— Не говори больше! Ладно-ладно, оставим это, а вы двое возвращайтесь к учебе.

Дуань Лин был достаточно застенчив рядом с Му Цином, но слушать Чан Люцзюня ему было немного легче, и он не знал, почему так происходит. Когда У Ду вернулся после умывания обветренный, с налипшими на брови льдинками, и искал полотенце, чтобы вытереться, он застал всех троих уставившимися на него.

— На что вы уставились? — озадаченно спросил У Ду.

Все трое тут же дружно отвернули головы и больше не смотрели на него.

— Как произносится этот иероглиф? — спросил Дуань Лина Чан Люцзюнь.

Дуань Лин быстро сделал вид, что они с Му Цином учат Чан Люцзюня читать, и они втроем с серьезными лицами вплотную прижались головами друг к другу, подробно изучая материал. У Ду взял Дуань Лина за воротник, усадил рядом с собой, и они продолжили заниматься, четко разделяя парты, две стороны которых были так же четко различимы, как стороны шахматной доски.

Дуань Лин начал находить учебу скучной. Когда ему было тяжело, он хотел ходить в школу, а теперь, когда жизнь наладилась, он хотел ее прогуливать; когда он скитался бездомным бродягой, он часто думал о своих стремлениях, но теперь, остепенившись, все, чего он желал, — это пойти куда-нибудь повеселиться с У Ду.

Дни, проведенные в Тунгуань, были полны волнений. Когда же он сможет снова повидать мир? Необъятные просторы земли и неба будоражили воображение. Если он попадет во дворец, возможно, вся его жизнь будет такой же, как у дяди, и он никогда больше не сможет уехать. Но его крепко привязывал к этому креслу набор оков под названием «ответственность».

После обеда Чан Пин лично пришел с рекомендательными письмами, которые должны были подписать Дуань Лин и Му Цин. Благодаря этому письму они стали равноценными учениками канцлера и могли пропустить провинциальные экзамены, что позволит им принять участие в специальных столичных экзаменах в начале весны, а после них — в дворцовых экзаменах. После того как Дуань Лин подписал свое имя, его повели к Му Куанде. Тот беседовал с чиновником-ученым, а на крытой веранде его ждал молодой человек лет двадцати.

— Это Хуан Цзянь, сын бывшего эmissара по соляным делам господина Хуана, — сказал Чан Пин Дуань Лину и Му Цину.

И вот они втроем поприветствовали друг друга. Дуань Лин узнал, что кроме него самого, этот молодой человек по имени Хуан Цзянь также официально признавал Му Куанду своим учителем. Из них троих Хуан Цзянь был самым старшим, но говорил он очень мало, похоже, не привык к шумной роскоши Цзянчжоу. Все они были учениками канцлера, и, поболтав о возрасте, Хуан Цзянь стал чувствовать себя немного не в своей тарелке. Вскоре он покинул поместье канцлера и отправился в свою временную резиденцию в городе.

До экзаменов осталось еще два месяца. Дуань Лин ощущал нотки беспокойства, и у него не было другого выхода, кроме как оставить на время пустяковые мысли, и серьезно заняться учебой. Но что толку от учебы? Ночью, перелистывая книги и свитки, Дуань Лин чувствовал, как в нем зарождается тоска.

Он уже встречался с Ли Яньцю, но дядя не сумел его узнать. Неужели он учился и встал на путь ученого, чтобы сдать столичные экзамены, пройти перед тронем, только чтобы Цай Янь увидел его? Или, может быть, подождать, пока его имя войдет в тройку лучших на дворцовых экзаменах, и когда император признает его достижения во время пира ученых, сказать всем присутствующим, что именно он, а не Цай Янь, настоящий наследный принц?

О последствиях такого поступка Дуань Лин даже не смел задумываться. Ему вдруг стало неинтересно; все, что он хотел сделать, — это отбросить книги в сторону, но когда он поднял глаза, то обнаружил во дворе У Ду, который практиковал боевые искусства и циркулировал ци.

— В чем дело? — У Ду убрал кулаки обратно к телу и вернулся в дом.

— Ничего. Я просто немного сонный.

Их глаза безмятежно встретились, но Дуань Лин, переведя взгляд на У Ду, испытывал смятение и тревогу. Он так усердно трудился, но судьба, словно насмехаясь над ним, упустила самый лучший шанс. Чего же он добивался?

Ночь была безлюдна, таял снег, и У Ду, казалось, почувствовал меланхолию Дуань Лина.

— Я пойду куплю тебе что-нибудь перекусить на ночь. Что ты хочешь?

И теперь Дуань Лин чувствовал, что в какой-то степени подвел У Ду. Он заставил себя сосредоточиться и ответил:

— Не беспокойся, на улице слишком холодно.

— В чем дело? — спросил У Ду с серьезным видом. — Устал?

Дуань Лин сделал глубокий вдох. Ему хотелось выплеснуть всю свою печаль на У Ду, но, если подумать, это будет неправильно — ведь У Ду — человек, который поклялся защищать его до конца жизни; Дуань Лин не мог позволить себе сказать ему что-то настолько подлое.

Дуань Лин улыбнулся.

— Я немного нервничаю, вот и все. Скоро экзамены.

— Не переживай так сильно, — У Ду понимал, о чем он сейчас беспокоился. — Сделай все, что в твоих силах, а что будет, то будет. Когда придет время, я что-нибудь придумаю.

Дуань Лин вспомнил, что говорил ему отец, когда он поступал в Академию Биюн.

У Ду ушел за закусками для Дуань Лина. В безмятежной тишине позднего вечера Дуань Лин испустил протяжный вздох.

Снаружи начала играть флейта.

Радость встречи!

Такого чувства он не испытывал уже давно: кто это играет?

Музыка временами была успокаивающей и нежной, а временами казалось, что ноты свободно скачут по воздуху; она играла прямо за дверью, и стоило ей только начаться, как она проложила себе путь в самую глубину сердца Дуань Лина.

Так играл У Ду — Дуань Лин лишь чувствовал себя застигнутым врасплох, почти утопая в музыке.

Всякий раз, когда он оказывался в одиночестве и страхе, появление этой песни успокаивало его душу, словно придавая ему грозную силу.

Только когда песня закончилась, деревянные сандалии У Ду вдали затихли.

Ошеломленный, Дуань Лин сидел перед столом и вспоминал, как играл Лан Цзюнься, как играл его отец и даже как играла Сюнь Чунь до падения Шанцзина; бесчисленные образы мелькали перед его глазами, как вращающийся фонарь, отбрасывая на стену изображение скачущих лошадей и призывая продолжать двигаться вперед.

К тому времени, когда У Ду вернулся, Дуань Лин уже положил голову на сложенные на столе руки и заснул.

Жители Цзянчжоу плохо переносили зимние холода, и к этому позднему часу весь город уже спал. У Ду долго ходил по городу, так ничего и не купив, и вернулся с пустыми руками. Он сложил руки вместе, чтобы согреть их, и растирал их до тех пор, пока они не стали теплыми, после чего перенес Дуань Лина на кровать и лег рядом с ним.

Когда он проснулся на следующее утро, для Дуань Лина все шло как обычно. Учитель уже мало чему мог их научить, поэтому приказал им вернуться в свои дома и повторить старый материал. И вот Дуань Лин проводил дни в библиотеке канцлерского поместья, перечитывая горы старых меморандумов и изучая подходы Му Куанды к управлению государством. Все, что он мог сказать, — это то, что Му Куанда преисполнен мудростью предков и стремится использовать все до последней крупинки. Не успел он оглянуться, как стиль письма Дуань Лина начал приобретать черты Му Куанды.

Читая меморандумы Му Куанды, Дуань Лин стал понимать, почему отец отказался его убивать. За те десять лет, что императорская семья Чэнь провела в Сычуани, под умелым руководством Му Куанды количество собираемых налогов увеличилось почти втрое, и только благодаря этому Великая Чэнь смогла отправить бесконечный поток войск к северной границе и разместить гарнизон Юйбигуань.

Услышав шаги, Дуань Лин сразу же поднял голову и увидел Чан Люцзюня, идущего к нему. Вокруг никого не было, а в окна библиотеки лился солнечный свет. Чан Люцзюнь снял маску и сказал ему:

— Я закончил свою часть плана.

Увидев лицо Чан Люцзюня без всякого предупреждения, Дуань Лин сразу же впал в панику и хотел позвать У Ду, но тот все еще был внизу. Чан Люцзюнь удивленно спросил его:

— Чего ты паникуешь?

— Ты... ты собираешься меня убить? — в ужасе произнес Дуань Лин.

— Что? — Чан Люцзюнь в панике отшатнулся, прежде чем наконец понял. — Разве ты не видел мое лицо раньше?

О, да... Дуань Лин внимательно изучил лицо Чан Люцзюня, и это было действительно тем самым лицом, которое он видел в Цветочном павильоне, только теперь на нем была татуировка. Она находилась в уголке рта, и не только не портила лицо, но и делала его еще более невозмутимым.

Чан Люцзюнь подбрасывал ткань, которую использовал в качестве маски, вверх-вниз, играя с ней, а другой рукой прижимался к книжной полке позади Дуань Лина, заманивая его в ловушку. Он одарил Дуань Лина зловещей улыбкой, демонстрируя клыки.

— Я позову на помощь, — сказал Дуань Лин с настороженным видом.

Чан Люцзюнь лишь отвел руку назад.

— Эти два монгола отправились раздавать взятки по всей округе.

Прошло уже столько времени, что Дуань Лин почти забыл о плане, который сам придумал; он не сработает, если некоторые части будут реализованы намного раньше остальных — они еще даже не использовали яд У Ду, но Чжэн Янь и Чан Люцзюнь уже выполнили свои задания.

Чан Люцзюнь составил список имен и передал его Дуань Лину.

— Для вас двоих. Пришло время У Ду сделать свой ход.

Дуань Лин взял список. Он был весь исписан кривым почерком Чан Люцзюня. Похоже, последние несколько месяцев обучения чтению и письму пригодились.

— Хорошая работа, — ответил Дуань Лин. — Что сказал канцлер Му?

— Он сказал, что ничего не слышал, — Чан Люцзюнь снова улыбнулся.

Дуань Лин подумал: «Хитрый старый лис. Вот что имеют в виду, когда говорят, что некоторые вещи не обязательно произносить вслух».

— Тогда будем действовать по первоначальному плану. Пришло время выходить на поле боя.

Он сложил список, собираясь отнести каллиграфию Чан Люцзюня У Ду.

— Подожди секунду.

Прежде чем Дуань Лин ушел, Чан Люцзюнь остановил его.

— Как только ты сдашь столичные экзамены, ты сможешь стать моим учителем?

Ошеломленный, Дуань Лин молча смотрел на него, а затем спросил:

— У-учителем?

— Да, научи меня читать. У грамотных людей в поместье нет времени, а те, у кого есть время, толком не знают грамоты.

Дуань Лин вдруг почувствовал себя сбитым с толку таким проявлением внимания.

— Тогда почему ты не попросил Му — молодого мастера?

— Я... — Чан Люцзюнь на мгновение замешкался, но потом сказал. — Он не так сведущ, как ты.

Дуань Лин обвел Чан Люцзюня странным взглядом, а тот добавил:

— И почерк у него не такой красивый, как у тебя. Ну, тогда решено!

Дуань Лин только кивнул, а Чан Люцзюнь спросил:

— Ты выучил много стихотворений? Научи меня писать стихи.

Дуань Лин только и умел, что сочинять претенциозные стишки, и ответил:

— Нет... нет. Но с сочинениями у меня все в порядке.

Внезапно Дуань Лину пришла в голову идея, как будто ему удалось что-то понять.

— Какие стихи ты планируешь писать?

— Не какие-то конкретные стихи. Я просто так... сказал. Позже я принесу немного вяленого мяса*.

* Когда у человека появляется новый учитель, он должен подарить ему вяленое мясо, по

крайней мере, это один из шести подарков, которые он должен поднести учителю. Это шутка на идиому про обучение. Чан Люцзюнь воспринял ее всерьез.

— В этом нет необходимости, — сказал Дуань Лин.

Чан Люцзюнь попытался встать на колени и поклониться, чтобы после этого все стало формально, но Дуань Лин был совершенно потрясен и сказал:

— Не нужно всех этих формальностей — давай пока договоримся так: в ближайшие несколько дней мне нужно будет подготовиться к экзаменам, и я начну учить тебя, как только они закончатся. Давай оставим все как есть.

Дуань Лин обмолвился с Чан Люцзюнем парой теплых слов и попросил его отправиться домой и пока продолжить чтение «Тысячесловия», а сам поспешил вниз. У Ду стоял на берегу пруда и смотрел на рыб.

— Я как раз собирался пойти проведать тебя. Этот слепой медведь* снова начал скрытничать и сказал, что хочет с тобой встретиться.

* Из китайского выражения: «Слепой медведь собирает кукурузу – одну возьмёт, одну уронит».

Дуань Лин не знал, что ответить, и сказал, что они поговорят об этом, когда вернутся домой. По дороге он еще раз обдумал желание Чан Люцзюня взять его в учителя и сразу же все понял. Как только начнутся экзамены, им с Му Цином больше не нужно будет ходить на занятия. Миссия учителя будет выполнена, и он сможет отправиться домой, а Чан Люцзюнь больше не будет присутствовать на уроках. Чан Пин занят построением планов для Му Куанды и не сможет выделить время на обучение убийцы, а у занимающегося государственными делами Му Куанды с его энциклопедическим умом вряд ли найдется на него время, поэтому все, что он мог сделать, — это найти себе учителя на полставки.

Три года в Прославленном зале, два с половиной года в Академии Биюн, еще полгода учебы в поместье канцлера — все это годы обучения, без перерывов и выходных, и на данный момент оно полностью завершено. С этой минуты ему придется распрощаться со школьной жизнью.

Дуань Лин чувствовал тоску по этому поводу, и ему казалось, что это сон — он вспомнил тот день, когда Лан Цзюнься впервые отвел его учиться, и как его отчитывал глава школы.

Все закончилось вот так просто? У Дуань Лина возникло ощущение, что он ничему не научился, что все его время было потрачено впустую.

— Что за почерк? Писали как курица лапой, — У Ду держал в руках «список имен» и задал этот вопрос Дуань Лину с выражением недоверия на лице.

Дуань Лин тоже не знал, что сказать.

— Здесь, наверное, написано «Лин», — он подошел ближе к У Ду и внимательно изучил список, буквально сводя их головы вместе. Прошел почти весь день и было затрачено много сил, прежде чем они с трудом восстановили список.

У Ду взял лист, чтобы спросить Чан Люцзюня об одном из иероглифов, но тот посмотрел на него с презрением:

— Что, ты даже не узнаешь иероглиф «Се»?

У Ду и Дуань Лин почти весь день спорили о том, что делать: через три дня наступит второй день второго месяца, день экзаменов. У Ду собирался осмотреть помещение, в котором Дуань Лин будет сдавать экзамены, а пока он отправится туда, он сходит во дворец и попросит у Ли Яньцю секретный указ.

— Я тоже пойду...

— Никуда ты не пойдешь, — сказал У Ду. — Оставайся дома и учись.

Дуань Лин мог только отмахнуться от этой идеи. У Ду оделся в парадную одежду — в полностью черную одежду мастера боевых искусств. На улице все еще было холодно, поэтому Дуань Лин достал ему синий замшевый плащ; У Ду стоял в луже талого снега и ненадолго задумался.

— Я отведу тебя куда-нибудь, когда сдашь экзамены, — У Ду обернулся, посмотрел на Дуань Лина, улыбнулся и погладил его по голове. Он сел на Бэнь Сяо и, разгребая грязные лужи на аллее, направился к дворцу.

Плащ У Ду развевался за спиной, а Легуанцзянь висел у него на поясе. Дуань Лин бросил второй взгляд, потом третий и не вернулся во двор, пока У Ду не исчез за углом. Он потянулся и за неимением лучшего обошел двор несколько раз, осматривая по очереди каждое из персиковых деревьев.

В Цзянчжоу было полно персиковых деревьев, и это была его первая весна здесь; ему было интересно, когда начнут распускаться их цветы. Прикоснувшись к одному из бутонов, Дуань Лин обнаружил слабый розовый оттенок — весна почти наступила.

Ранней весной по дворцу Цзянчжоу пролетел последний шквал опадающих листьев; нежно-желтые оболочки, которыми раньше были окутаны молодые почки, от легкого прикосновения ветерка срывались с ветвей и рассыпались по земле. Это было время тепла, чередующегося со вспышками холода, и цветущих пейзажей, пронизанных чувством меланхолии.

— Пожалуйста, снимите меч, мой господин, — телохранитель из Черных Доспехов преградил У Ду путь.

— У меня есть особое разрешение покойного императора и нынешнего наследного принца на ношение меча во дворце.

Оба зашли в тупик.

— Согласно приказу генерала, без разрешения правящего императора никому не разрешается носить меч при входе во дворец. Встреча с монгольским посланником в прошлый раз была исключением.

— Пусть войдет, — раздался голос Се Ю.

Стражник, спасенный от рвоты и поноса, пропустил У Ду внутрь. Се Ю смотрел на У Ду с улыбкой, которая не сходила с его глаз, а рот У Ду скривился в легкой усмешке, когда он понял, что тот уже уловил план Дуань Лина. Должно быть, монгольский посланник также нанес ему визит.

— Пришел, чтобы встретиться с Его Величеством? — спросил Се Ю.

— Только что вернулся со встречи с Его Величеством? — холодно произнес У Ду.

Оба вопросительно смотрели друг на друга, ни один из них не отвечал на вопросы, каждый отошел в сторону, чтобы пропустить другого.

Плащ У Ду был застегнут до самого воротника, а Легуанцзянь спрятан под мантией, и к моменту его появления Чжэн Янь уже объявил о его прибытии. Сидящий внутри Ли Яньцю окликнул его:

— У Ду? Заходи.

Ли Яньцю перелистывал меморандумы о весеннем посеве, а на столе у него лежал уже готовый императорский указ.

— Мы еще не знаем, где находится Чжэньшаньхэ, — сказал Ли Яньцю. — Поэтому ты не можешь взять с собой меч, чтобы расследовать дело вместо меня, однако иметь императорский указ, написанный от моей руки, — практически одно и то же.

— Да, — ответил У Ду. Приняв указ, он тут же попытался уйти.

Ли Яньцю остановил его:

— Подожди минутку. Я хочу спросить тебя кое о чем.

Чжэн Янь тактично вышел наружу и встал на страже у двери. У Ду проводил его взглядом: только сейчас он задумался, как получилось, что Чжэн Янь в один момент оказался рядом с императором, а в другой — отправился в Восточный дворец? Неужели наследный принц его терпеть не мог?

Ли Яньцю перешел к делу, как и ожидал У Ду.

— Как только все это закончится, переходи работать во дворец. Ты уже служил у покойного императора, так что мы можем дать тебе титул четвертого ранга, в котором ты сможешь продолжать носить свой меч здесь и служить при наследном принце. Ты будешь присматривать за ним, чтобы он не коротал время без дела; через несколько лет, если ты пройдешь аттестацию без ошибок, тебя назначат младшим опекуном наследника.

Хотя младший опекун — пустой титул, он все равно сделает его чиновником второго ранга — его внезапно поставят выше большинства чиновников и сделают равным Се Ю*.

* Младшие наставники учили наследника добродетели на примере поведения старших наставников. Эти должности могли оставаться вакантными, если не было подходящих кандидатов.

Неудивительно, что Се Ю состроил такую гримасу, когда застал его раньше.

Ли Яньцю ждал целую вечность, но не увидел, чтобы У Ду дрожал от волнения или падал ниц в слезах, чтобы поблагодарить Его Величество за его императорскую милость. Он поднял глаза, чтобы взглянуть, думая, что У Ду настолько растроган, что даже не в состоянии говорить, но, к удивлению Ли Яньцю, У Ду на мгновение замешкался, а затем сложил руки в кулак и поклонился.

— Я не смог исполнить последнее желание покойного императора, — ответил У Ду. — Я не смею принять этот приказ.

Ли Яньцю на мгновение потерял дар речи.

— Это наследный принц потребовал, чтобы ты присоединился к Восточному дворцу, — холодно бросил Ли Яньцю. Если бы Чжэн Янь был сейчас здесь, он бы заметил, что тот уже был в ярости, и посоветовал бы У Ду смириться и не быть таким твердолобым.

— Я человек несговорчивый и боюсь, что моя служба может пойти вразрез с желаниями Вашего Величества. Я не смею принять этот приказ.

Ли Яньцю отложил кисть и посмотрел на У Ду; солнечный свет проникал через окно, отбрасывая на его лицо лучи. Ли Яньцю был совершенно ошеломлен — как только у него хватило наглости отказаться?

Но Ли Яньцю вдруг засмеялся.

— У Ду... О, У Ду.

У Ду ответил:

— Ваше Величество.

Ли Яньцю внимательно изучил У Ду, и его тон стал вполне сердечным:

— Из вас четверых я не могу понять только тебя.

— Я верен Вашему Величеству, — сказал У Ду. — Может, я и не умею выражать свои мысли, но моя преданность Вашему Величеству неоспорима.

— Второй ранг первого класса — это слишком мало для тебя, — сдержанно произнес Ли Яньцю, — с твоими навыками боевых искусств и умением продумывать стратегию тебе следовало бы с самого начала стать старшим опекуном, но, к сожалению, это должность Улохоу Му. Раз уж ты так решительно настроен не присоединяться к Восточному дворцу, то уходи и будь свободен как птица.

В конце этой фразы что-то пролетело по воздуху и ударило У Ду по голове. Чернила залили его лицо — это был чернильный камень. С его навыками У Ду мог бы легко уклониться от удара еще до того, как Ли Яньцю сделал бросок, но он не стал уворачиваться и уходить с дороги — он просто выдержал удар.

— Тогда возвращайся к работе, — улыбаясь, сказал Ли Яньцю. — У Ду, с такой силой воли ты обязательно станешь великим генералом, который внесет большой вклад в восстановление Великой Чэнь.

У Ду поднял руку, чтобы вытереть лицо. Его шея тоже была покрыта чернилами, стекающими по воротнику. Наклонившись, он поднял чернильный камень и обеими руками почтительно положил его обратно на императорский стол, убедившись, что он правильно поставлен, прежде чем выйти из кабинета.

Увидев У Ду с половиной лица, покрытой чернилами, будто он был в маске, Чжэн Янь разразился громким хохотом. Но тут из комнаты донесся голос Ли Яньцю:

— Чжэн Янь.

Выражение лица Чжэн Яня застыло, и он поспешно вернулся в императорский кабинет.

Прежде чем что-то предпринять, У Ду отправился в дворцовый сад. Зачерпнув немного воды из пруда, он умыл лицо. Вскоре сзади раздались приближающиеся к нему шаги.

— Давайте отложим план на несколько дней, — раздался голос Лан Цзюнься. — Есть некоторые вещи, которые я пока не смог прояснить.

— Мы остановимся только потому, что ты так сказал? — холодно произнес У Ду.

Лан Цзюнься прищурился и посмотрел на него сверху вниз, не понимая, почему его лицо покрыто чернилами; он также не понимал, почему лицо У Ду покрыто чернилами, а он все еще так высокомерен.

Закончив умываться, У Ду рассмотрел свое отражение в воде, и Лан Цзюнься любезно напомнил ему:

— Твоя шея все еще грязная.

У Ду осталось лишь обтереть шею, плеснув еще воды.

— Я дам тебе еще три дня.

Лан Цзюнься больше ничего не сказал и развернулся, чтобы уйти, а У Ду перед уходом еще раз осмотрел себя в воде.

Он думал, что к моменту возвращения домой уже привел себя в порядок, но его все равно встретил буйный смех Дуань Лина.

Пруд — не зеркало, и отражение в нем не очень хорошее. У Ду, намылившись до блеска, стоял во дворе под сияющим весенним солнцем.

— Ха-ха-ха-ха, — Дуань Лин никак не ожидал, что У Ду вернется в таком виде. От удивления и от его нелепого образа Дуань Лин расхохотался так, словно был под смеховым наркотиком, и рухнул на стол.

У Ду не мог удержаться от смеха.

— Я не все смыл? — и, сказав это, снова вытер лицо рукой.

— Ха-ха-ха... — Дуань Лин был близок к припадку от приступа хохота. Они немного посмеялись лицом к лицу, прежде чем Дуань Лин сказал ему, все еще задыхаясь:

— Как тебе удалось довести себя до такого состояния?

У Ду хотелось рассмешить Дуань Лина еще больше, поэтому он ответил:

— Я шел, и ветерок надул лист бумаги на мое лицо, а чернила еще не высохли. Вот они и потекли вниз.

Это объяснение заставило Дуань Лина разразиться второй порцией смеха, настолько глупым оно ему показалось. Смеясь, он подполз к чайнику, чтобы вскипятить воду для У Ду, и он мог умыться.

Чем больше У Ду думал об этом, тем смешнее ему становилось; когда он смотрел на Дуань Лина, ему хотелось развеселить его еще больше. Если полученный им удар способен заставить его смеяться так долго, значит, оно того стоило.

— Как так вышло, что чернила оказались внутри твоей одежды? — удивленно спросил Дуань Лин. — Она же насквозь пропиталась!

У Ду разделся до пояса и взял мыльный корень, чтобы отмыться снаружи. Дуань Лин подобрал верхний халат и накидку, а когда заметил, что все вокруг было залито чернилами, вынес одежду на задний двор, чтобы постирать.

— Что случилось? В тебя попали чернильным камнем?

У Ду уже собирался ответить ему, когда в дверь вошел слуга, вызывая его на встречу с канцлером Му. Дуань Лин выбежал за ним, но У Ду подал знак, что ему следует подождать дома. Он схватил ближайший чистый халат и быстро вышел из дома, чтобы встретиться с Му Куандой.

Му Куанда в последнее время был так занят, что едва мог уделить время собственному сыну, но теперь он отослал всех остальных для встречи с У Ду. Даже Чан Люцзюнь не присутствовал.

Му Куанда заварил чайник для себя и налил чашку У Ду.

— У тебя хватило наглости отказаться даже от должности младшего опекуна наследника, — нарочито спокойно сказал Му Куанда, — что же ты так привередничаешь? Господин Чан Пин говорил, что тебе нет дела ни до кого в этом поместье, что в твоих глазах нет никого, кроме Ван Шаня. Только после его приезда у тебя появилось благоразумие, и ты начал хоть что-то делать в своей жизни.

У Ду не отвечал ему. Он поднял чашку и отпил глоток чая.

— Я припоминаю, что, когда я вызволял тебя из Небесной тюрьмы, — небрежно бросил Му Куанда, как будто в этом не было ничего особенного, — ты обещал мне не это. Если хочешь что-то сказать, говори.

У Ду задумался.

— При императорском дворе полно всяких людей, хороших и плохих. Я не хочу там находиться.

— Это настоящая причина? Очевидно, что нет.

— Все и так неплохо.

— Что именно неплохо?

У Ду допил чай и сказал Му Куанде:

— Мирские дела могут измениться в одно мгновение, а сердца людей трудно предугадать. Иногда меняется не политическая ситуация, а собственное сердце, и человек беспокоится не о других людях, а о себе. Я просто хочу остаться здесь, в поместье, и быть рядом с Шань-эром. Если хотите, можете назвать меня неамбициозным или сказать, что я не знаю, как добиться успеха в карьере, но меня устраивает та жизнь, которую я веду сейчас.

В кабинете внезапно стало тихо. Конечно, Му Куанда понимал, что имел в виду У Ду; этими словами он перекрыл все возможные варианты рассуждений — ведь единственной переменной является сам У Ду. Мог ли он гарантировать, что навсегда сохранит верность Му Куанде, когда тот вступит в Восточный дворец? И останется ли он верен своему обещанию, данному семье Му, даже если Му Куанда выступит против наследного принца?

Можно ли за деньги купить преданность человека? Если тысячи таэлей серебра недостаточно, то как насчет десяти тысяч? Возможно, он будет уходить все дальше и дальше от Му, а этого Му Куанда тоже не желал.

— Ты можешь быть доволен, но Ван Шань не обязательно согласится с тобой. У Ду, ты должен все хорошенько обдумать. Ты не женишься, но, если Ван Шань присоединится к императорскому двору и станет чиновником, он вступит в брак. Что ты тогда будешь делать?

— Даже если счастье длится всего лишь мгновение, оно все равно не помешает. Что он будет делать, что выберет — это не имеет никакого отношения к моему решению.

Му Куанда вздохнул.

— Неважно. Я должен был догадаться, что ты такой человек. Я думал, что ты сильно изменился за последнее время, но никогда бы не подумал, что с того самого дня, как ты приехал, в тебе не изменилось ничего.

И вот У Ду сложил руку в кулак, поклонился Му Куанде и вышел из комнаты.

Когда он вернулся в дом во дворе, Дуань Лин уже развешивал свежестыранную одежду. Он повернулся и взглянул на У Ду.

— Так быстро вернулся?

У Ду смотрел на Дуань Лина и улыбался ему без слов.

— Чему ты улыбаешься?

— Да так... — У Ду подошел и сел в комнате, не сводя с Дуань Лина глаз.

Дуань Лина не покидало ощущение, что с У Ду сегодня что-то не так. Он осторожно спросил:

— Ты получил рукописный императорский указ?

У Ду на мгновение задумался.

— Он у меня, мы можем мобилизовать Теневую стражу, но нам не к спеху. Давай сначала подождем, пока ты сдашь столичные экзамены.

Дуань Лин кивнул, но не мог не смотреть на У Ду. В этот момент он чувствовал себя крайне беспокойно: впереди последние три дня школы, и именно с этого момента начнется новая страница его жизни. По окончании столичных экзаменов, если он не окажется в списке сдавших, единственным выходом для него будет поступить на службу в поместье Му и стать советником по особым поручениям.

Он будет таким же, как Чан Пин. Вознаграждение будет приличным, но он ничего не добьется от своего имени, и почти вся его жизнь пройдет за границей.

На улице У Ду начал играть на своей флейте, и на сердце Дуань Лина постепенно стало спокойнее.

— Если я сдам экзамены, — вдруг произнес Дуань Лин, — ты можешь пообещать мне одну вещь?

У Ду отложил флейту и заглянул в комнату.

— Что именно?

— Я скажу тебе, когда придет время.

У Ду кивнул, и Дуань Лин почувствовал себя так, словно ему дали обещание.

Если он скажет, что хочет сделать... это с У Ду, он согласится?

Дуань Лин и не подозревал, что эти эмоции были связаны со сменой времен года; он лишь знал, что в его сердце то и дело вспыхивает желание, и его никак не удастся унять. По правде говоря, когда он только обратился к У Ду с просьбой, он хотел лишь, чтобы тот угостил его шпажкой засахаренного боярышника после экзаменов.

Но постепенно его сердце стало наполняться причудливыми мыслями, пока в день экзаменов он не проснулся, и в окно не залетел лепесток цветка, который приземлился ему на щеку.

— Проснись и пой, — сказал У Ду.

Дуань Лин с сонными глазами сел. У Ду распахнул дверь во двор, заполненный танцующими цветами персика.

Дуань Лин выглянул на улицу, потеряв дар речи.

Персиковые деревья нежны и пышны, а как великолепно они цветут. Они за ночь расцвели по всему городу; в Цзянчжоу наступила весна. Вид их был еще более осязаем и ошеломляющ, чем весной в Шанцзине, и Дуань Лин радостно воскликнул, окидывая взглядом весь двор — за одну ночь каждое персиковое дерево в их дворе стало усыпано цветами.

После завтрака они вышли из дома. На улицах и в переулках распускались цветы всевозможных оттенков; главная улица Цзянчжоу была усеяна лепестками, танцующими на весеннем ветру, а сверху светило палящее солнце.

— Очень красиво.

У Ду сидел верхом на лошади, а Дуань Лин расположился перед ним. В прошлый раз, когда он приезжал в Цзянчжоу, была уже поздняя весна, и большая часть этого великолепия увяла, поэтому сейчас он не мог удержаться, чтобы не подстегнуть лошадь и не потратить время на то, чтобы получше все рассмотреть.

— Это так красиво! — Дуань Лин мгновенно увлекся этим великолепным пейзажем. Город бурлил, и после того, как они проехали еще две улицы, на пути стали попадаться контрольно-пропускные пункты. Экзамены проходил в Зале успеха; пройдя еще один квартал, они попадут в залы заседаний канцелярии.

Дуань Лин хотел насладиться видом еще немного, но У Ду уговаривал его:

— Пойдем. Все прекрасные вещи останутся здесь, будут ждать, когда ты вернешься.

Дуань Лин наклонил голову и посмотрел на У Ду, а тот протянул руку и погладил его по голове. Они передали свои жетоны с именами стражникам в черных доспехах для проверки, и только после этого им разрешили пройти.

Сегодня в бесконечном потоке карет, прокладывающих себе путь через аллею перед Залом успеха, собрались все ученики цзянчжоуских ученых.

— Может, наша карета и не выглядит так впечатляюще, как их, — усмехнулся У Ду, — но конь, на котором мы едем, — это скакун покойного императора.

Дуань Лин засмеялся. У Ду даже хотел провести Дуань Лина внутрь, но Черные Доспехи преградили ему путь.

— Посетители не могут входить вместе с экзаменуемым.

— Я пойду делать свою работу. Вечером буду ждать тебя снаружи. Не нужно так волноваться. Все получится.

— Я... — Дуань Лин хотел обнять У Ду, но ему уже было шестнадцать.

Он уже не тот мальчик, которого подвозили и провожали до самой школы.

— Тогда я пошел, — сказал Дуань Лин.

У Ду стоял у входа в Зал успеха, достал свою флейту и начал играть на ней под дуновением весеннего ветерка.

Шум в переулке постепенно стих, и все останавливались, чтобы посмотреть, как У Ду играет на флейте. В этот прекрасный весенний день «Радость встречи» словно ускорила распускание каждого цветка персика на улице.

— Это У Ду! — прошептал кто-то.

В толпе многие негромко переговаривались друг с другом; слава четырех великих убийц простиралась вдаль и вширь, и за долгие годы они снискали восхищение множества молодых людей из Сычуани. Сам У Ду был еще большей легендой: кто-то говорил, что он мастер ядов, кто-то — что он предатель, убивший покойного императора, но никто не ожидал, что в день экзаменов он приведет кого-то в экзаменационный зал и будет играть «Радость встречи» под взглядами стольких пар любопытных глаз.

Дуань Лин молча стоял и слушал песню. Его глазам предстал лишь один человек, стоящий на весеннем ветру.

Все больше и больше людей замечали У Ду и с любопытством разглядывали его с ног до головы. Как только песня закончилась, У Ду повернулся, чтобы уйти. На этот раз Дуань Лин не стал его преследовать: он знал, что У Ду обязательно вернется.

— Это был тот самый господин У Ду?

Дуань Лин не ожидал встретить здесь Хуан Цзяня, и они сразу же поклонились и поприветствовали друг друга. Они оба были учениками канцлера, но виделись лишь мельком и не успели толком поговорить. Теперь же, когда они снова столкнулись, это была хорошая возможность узнать друг друга получше.

Хуан Цзянь был не очень разговорчив, и когда Дуань Лин видел его в последний раз, он говорил лишь «да» и «приятно познакомиться», но на вид он был довольно взрослым, среднего телосложения и немного смуглым. Дуань Лин догадывался, что он очень начитан, но его относительно непривлекательная внешность делала его непохожим на тех, с кем Му Цин обычно сближался. Однако если Му Куанда признавал его заслуги, значит, он был очень талантлив.

— Пойдем, — Дуань Лин разговаривал с Хуан Цзянем, пока они шли искать свои места. — Это был У Ду.

— Он убийца? — Хуан Цзянь тоже очень интересовался такими вещами, как герои и мстители — юноши обычно симпатизируют тем, кто борется за справедливость.

— Да, это так, — смеялся Дуань Лин, — но он добродушный человек и никогда не убивает без разбора.

— Я слышал, что Его Величество вызвал его и попросил поступить на службу во дворец в качестве младшего опекуна наследника. Он отказался! Действительно выдающийся человек.

Сердце Дуань Лина замерло, когда он вспомнил, что произошло с У Ду ранее. Так вот что случилось?! Неудивительно!

Попрощавшись с Хуан Цзянем, Дуань Лин погрузился в раздумья, не переставая думать об этом даже когда вошел в экзаменационный зал. Неужели У Ду отказался от должности младшего опекуна ради него? Наверное, так оно и есть.

Когда-то он думал, что если встретится с Ли Яньцю, то сможет найти способ восстановить свое положение наследного принца. Однако реакция дяди загнала его в тупик — он больше не мог сделать ни шагу вперед, оставалось только отступать.

Дуань Лин был занят своими спутанными мыслями до тех пор, пока не пришел экзаменатор, чтобы раздать им экзаменационные работы. Для предотвращения списывания экзаменуемых запирали в отдельных комнатах, и экзаменатор заставлял каждого из них сделать отпечаток ладони.

Тем временем снова раздалась музыка флейты, но играл не У Ду, а Лан Цзюнься!

— Кто играет на флейте? — остановился и озадаченно спросил экзаменатор.

Музыку слышали все, кто находился в том же ряду комнат, что и Дуань Лин.

— Радость встречи, — сказал экзаменатор.

— Вы слышали ее раньше, господин? — к удивлению Дуань Лина, у него на сердце было абсолютно спокойно.

— Кажется, что это было только вчера, но с ярости по Шанцзы уже прошло много лет. Я не ожидал, что сегодня услышу эту песню дважды.

Прошло много времени, прежде чем песня закончилась. Экзаменатор вышел из комнаты и опечатал дверь, а Дуань Лин опустил взгляд на пустой лист, и в его ушах все еще звучала музыка флейты. Слова экзаменатора развеяли дымку тревоги, застилавшую его сердце: ярость по Шанцзы, позор их побежденной земли, Великая Чэнь, переселившаяся на юг, столица в руинах, северные территории, отошедшие к Ляо и Юань; это бремя они будут нести всегда, до того дня, когда изгонят иноземных захватчиков со своих территорий за Великую стену.

Для него, возможно, должность наследного принца была тем, кем он являлся, но для многих, возможно, сын Ли Цзяньхуна, потомок Ли, представлял собой последнюю надежду.

Два исполнения «Радости встречи» послужили напоминанием не только для Дуань Лина, но и, возможно, для всех экзаменуемых в зале.

Дуань Лин развернул экзаменационный вопрос. Тема была такова: что пройдено, то осталось в прошлом, но будущее еще не определено*.

* Из «Лунь юй», слегка переформулировано. Предполагается, что оригинал был услышан из проезжавшей мимо кареты, и Конфуций хотел поговорить с человеком, сидящим внутри, но так и не смог этого сделать.

Связи между Чэнь, Ляо, Юанем и Силян сложились в огромную сеть, и перед его глазами развернулась картина мира.

Прошлое, настоящее и будущее; бесчисленные запутанные связи Южной Чэнь, все радости и горести, связанные с каждым расставанием и воссоединением, запутанные во времена войны, наконец, привели его к настоящему моменту. Если он вернется к императорскому двору, что ему следует предпринять?

«Ваше Величество, теперь ваша очередь.»

Казалось, он все еще слышал голос отца. Дуань Лин взял в руки кисть, обмакнул ее в чернила, и все его прежнее смятение исчезло в небытие. Облаченные в доспехи кони скакали по ледяным рекам, неся с собой гулкие страсти войны, и все это вливалось в одну-единственную кисть. Это то, чему он научился за годы учебы, а также тяжелое бремя, с которым ему предстоит столкнуться в своей жизни.

У него был еще один шанс — предстать перед Ли Яньцю, когда он станет одним из лучших выпускников, занесенным в золотой список почета.

С письменным приказом Ли Яньцю в руках У Ду прибыл в военный штаб Цзянчжоу. Большинство офицеров отправились наблюдать за ходом экзаменов и стоять на страже, оставив только Се Ю.

— Мне нужно сорок человек, — У Ду предъявил письменный приказ, — для расследования дела о сговоре между чиновниками Цзянчжоу и монголами.

Как будто уже зная, что У Ду придет, Се Ю ответил:

— Это заняло больше времени, чем я думал. Будем надеяться, что это не помешает текущим делам.

Подчиненный Се Ю поднялся, чтобы подать чай, но У Ду не стал задерживаться, а встал, отправившись с сорока офицерами Цзянчжоу в другую городскую организацию — «Штаб-квартиру теневиков». Она была основана еще при предыдущей династии, и ее цель заключалась в охране членов императорской семьи и иностранных послов. Десять лет назад, после того как Фэн До был отправлен в тюрьму за сговор с придворными, у Теневой стражи больше не было командира, и контроль над ней перешел к Чжао Кую. Теневая стража когда-то негодовала по поводу статуса У Ду и не желала ему подчиняться.

С тех пор их позиции полностью изменились, и по рукописному указу императора У Ду отдал распоряжения Теневой страже провести тайную операцию, а сам отправился в поместья придворных чиновников, чтобы посетить их одного за другим.

— Господин Су, — У Ду перехватил карету у здания Министерства доходов и жестом пригласил Су Фа выйти. — Мне нужно с вами кое о чем поговорить. Сюда, пожалуйста.

Министр доходов Су Фа ответил:

— У Ду?

У Ду снова предложил пройтись, и, видя, что они окружены цзянчжоуской военной охраной, Су Фа осталось лишь сесть в его карету.

— Семнадцатого числа предыдущего месяца, — обратился У Ду к Су Фа, когда тот занял свое место в карете, — мы обнаружили, что монгольский посланник Хатан-Батор посетил ваше поместье. Не могли бы вы рассказать мне, что произошло?

Су Фа сразу же вздрогнул и яростно воскликнул:

— У Ду! Кто тебе такое сказал? Кто послал тебя сюда?! Это клевета!

У Ду взял в руки маленькую шкатулку, стоящую у него под боком, и открыл ее перед лицом Су Фа. Внутри лежали три ночные жемчужины*.

* На самом деле это не жемчуг, а древние светящиеся в темноте шары, вырезанные из натурального люминесцентного камня, который называют флюоритом.

— Это подарок от Хатан-Батора. Мы нашли его в вашем доме. Здесь также восемь банкнот по двести серебряных таэлей каждая и осколок кораллового камня. Если вы не против, я бы хотел, чтобы вы расписались за них.

— Почему ты... У Ду! — Су Фа никак не мог предположить, что за ним следили во время всего этого дела, и на мгновение побледнел.

— Ничего подобного не было! — отрицал Су Фа.

— Список подарков вот здесь, — У Ду показал Су Фа перечень. Снаружи он был покрыт сусальным золотом, а в самом верху было написано «Для господина Су Фа» и несколько вежливых формальностей. На этот раз Су Фа уже не смог откреститься, и его начало трясти.

— Ваша светлость может забрать вещи, — вежливо сказал У Ду, — список подарков я оставляю вам. Пожалуйста, выйдите из кареты. Я здесь только для того, чтобы спросить, действительно ли эти вещи принадлежат вам.

Тревожный и неуверенный, Су Фа еще некоторое время стоял, дрожа, даже после того, как вышел из кареты. У Ду отдал очередной приказ:

— Отправляйтесь в канцелярию.

Время пролетело, в мгновение ока уже наступила вторая половина дня, а Дуань Лин начал проверять свое сочинение с ответами: начиная с основания Южной Чэнь, заканчивая формированием империи в понимании его отца, противостоянием четырех государств, а также переносом столицы с закреплением кланов ученых в Цзянчжоу, который ему описал Му Куанда; нынешний статус Ляо, Чэнь и Юань, стоящих как три ножки табурета, поддерживающие и балансирующие друг друга.

Наконец он вписал свое имя, и со звоном колокольчика экзаменатор сорвал печать и забрал экзаменационные листы.

— Хороший почерк, — сказал ему экзаменатор.

Дуань Лин встал и поклонился ему. Во дворе начали шуметь студенты, обсуждая экзаменационный вопрос. Му Цин нашел в толпе Дуань Лина и поспешил к нему.

Дуань Лин увидел студентов, которых не узнавал, и по их говору догадался, что они разбиты на две фракции — одна из Сычуани, другая из местных жителей Цзянчжоу.

— Я не подождал тебя сегодня утром, — сказал Дуань Лин.

Но Му Цин уже привык к тому, что Дуань Лин сам приходит и уходит, и отмахнулся от извинений.

— Как прошло?

Дуань Лин улыбнулся.

— Все хорошо.

Из того, что он услышал от Му Куанды, он уже имел представление об уровне этих детей из кланов ученых, а время обучения в поместье Му дало ему так много, что он мог бы построить будущее Южной Чэнь на основе той общей картины, которую он имел о центральной равнине.

— Кажется, я написал не экзаменационную работу, а меморандум.

Дуань Лин только сейчас об этом подумал и тут же воскликнул:

— О, нет!

— Не беспокойся об этом, — сказал Му Цин, — экзамен уже прошел.

Снаружи экзаменационного зала толпились те, кто пришел забрать своих родных, и Дуань Лин сказал Му Цину:

— Я буду ждать У ду, а ты иди домой.

Му Цин упрямо ответил:

— Тогда я буду ждать с тобой.

Весенним вечером Дуань Лин и Му Цин долго ждали вместе, но У Ду так и не пришел.

В глухом переулке У Ду забрал у Теневого стража последний перечень подарков и сверил его со списком имен, который дал ему Чан Люцзюнь. Всего в нем было семь чиновников.

— Ваша работа закончена, — сказал У Ду, распустив всех, и велел кучеру увезти его. Было уже поздно, а он все стоял в переулке и ждал.

Шаги приблизились, но это был не тот человек, которого он ожидал увидеть. Перед ним появился некто другой — это Амга. Они стояли друг против друга на расстоянии.

— У Ду.

— Амга, — поднял бровь У Ду. — Боец номер один Юань.

У Ду окинул Амгу взглядом и остановился на сабле, которую тот носил на боку.

— Твоя сабля выглядит достойно, но боевые навыки довольно посредственны. Я хотел сказать это еще в тот раз, когда мы недавно встретились.

— Давай, показывай свои доказательства. Сколько ты хочешь? Назови свою цену.

— Ты накручиваешь себя. Уйди с дороги. Мне не хочется убивать здесь иностранного дипломата.

— Ну тогда... Заранее прошу прощения.

Произнеся эти слова, Амга достал свое оружие, не тратя больше время на У Ду. Но тот не выхватил оружие, а просто отошел в сторону, щелкнув большим пальцем по рукояти меча, чтобы на долю цуня вывести Легуанцзянь из ножен.

Когда они прошли мимо друг друга, сабля Амги замерцала холодным светом, и каждый из них развернулся; одним движением своего едва обнаженного клинка У Ду заблокировал саблю Амги. Раздался лязг металла о металл, но ни одно из их оружий не было сделано из обычных материалов, поэтому они не могли легко одолеть другого.

И вот У Ду не дали выйти из переулка, и Амга держал его там довольно долго, но как только до него дошло, что навыки У Ду нельзя недооценивать, он отступил назад и восстановил дыхание, внимательно наблюдая за каждым движением У Ду и не решаясь сделать еще один опрометчивый шаг.

Вдруг сзади к нему, спотыкаясь, подошел кто-то и со смехом произнес:

— Эй!

Амге было не до смеха — он никак не ожидал, что кто-то сможет подойти к нему так близко, не издав ни звука. Однако это был Чжэн Янь, и Амга нанес удар саблей. Чжэн Янь сделал неуверенный шаг в сторону и увернулся.

У Ду потерял дар речи.

— Что вы здесь делаете, господин Амга? — спросил Чжэн Янь.

Увидев его, Амга понял, что эти двое заранее договорились о встрече.

— Хватит терять время, верни мне вещи!

— Что за вещи? — Чжэн Янь нырнул вправо и падал влево, пытаясь уклониться от удара пьяного кулака Амги. Когда сабля Амги уже была готова рассечь его, Чжэн Янь ударил по лезвию рукой в перчатке — та каким-то образом не поддавалась острию — и отбросила Амгу в сторону, используя его импульс против него.

Несмотря на то, что за ними никто не наблюдал, У Ду все равно должен был соблюдать правила, ведь он не мог сражаться с Амгой и Чжэн Янем два против одного, поэтому он стоял в стороне, готовый поддержать.

Чжэн Янь даже не удосужился достать меч и, спотыкаясь и шатаясь, стал играть с Амгой в пьяного мастера. Амга никогда раньше не сталкивался с подобными приемами и оказался не в состоянии справиться с Чжэн Янем.

— Странно, — сказал Чжэн Янь. — Как так получилось, что вы вдруг так хорошо заговорили на ханском языке, мой господин?

Амга растерялся. Неоднократно униженный убийцей-пьяницей и несколько раз едва не получивший удар его пьяным кулаком, Амга впал в ярость; удары и пинки Чжэн Яня были полны приемов, которые привели Амгу в оцепенение.

Однако его репутация бойца номер один в Юань была не совсем ложной. Амга понимал, что если он и дальше будет так беспечен, то, скорее всего, проиграет. Он начал внимательно наблюдать за стойкой Чжэн Яня и перешел от нападения к защите, обманным движением выставив перед собой саблю, прежде чем остановить атаку на Чжэн Яня.

Как только У Ду заметил, что Амга сменил стратегию, он понял, что тот перестал их недооценивать, и сразу же сделал шаг вперед. Легуанцзянь покинул ножны, и, воспользовавшись щелью, которую оставил Чжэн Янь, отступая назад, У Ду нанес удар мечом в поясницу Амги. Атака застала того врасплох, и ножны, висящие на его талии, оборвались в крепком захвате У Ду. Выражение лица Амги сразу же помрачнело, и он нанес У Ду один рубящий удар сзади.

Когда У Ду сделал шаг, Чжэн Янь отвел кулак в сторону. Сабля Амги стремительно пронеслась вперед, и, когда он нанес очередной удар, У Ду пригнулся, чтобы уклониться. Спрыгнув со стены, он перелетел через голову Амги и, находясь в воздухе, попытался поймать саблю Амги в ножны. У Ду едва не выхватил саблю в его руке, и тот поспешно отступил.

Амга все еще колебался, не желая просто так уходить, а У Ду подбрасывал ножны с саблей вверх и вниз.

— Назови меня дедушкой, и я верну их тебе.

Амга завопил во всю мощь своих легких и бросился на У Ду, но тут появилось еще несколько человек — на этот раз это были Черные доспехи Цзянчжоу, совершавшие обход города.

— Кто здесь устраивает незаконные бои в городе?! — прорычал капитан.

Последствия попадания в руки военных были немислимы, и Амга, не решаясь больше

оставаться и сражаться, стремительно сбежал из переулка. У Ду и Чжэн Янь стояли посреди улицы, не говоря ни слова.

— Императорская стража Восточного дворца, сопровождающий наследного принца, Чжэн Янь,
— сказал Чжэн Янь.

— Господин Чжэн, на улицах Цзянчжоу строго запрещены драки. Пожалуйста, сложите оружие и пройдите с нами.

— Да ты хоть знаешь, кто я такой? — Чжэн Янь наклонил голову, разглядывая сидящего на лошади стражника. — Я должен сложить оружие?

У Ду протянул руку, давая понять, что им пора прекратить терять время. Он достал рукописное разрешение императора, позволяющее ему действовать по своему усмотрению, и у стражников не осталось другого выбора, кроме как отступить.

— Эта свора откровенно властолюбива, — сказал Чжэн Янь. — Совершенно неуправляемы.

Черные доспехи всегда были самонадеянны, но они ничего не могли с этим поделать. Даже У Ду допрашивали по пути во дворец, Се Ю был крепким орешком, и никто не мог ничего сделать против Черных Доспехов.

— Амга довольно искусен, — сказал У Ду. — В бою один на один с ним будет трудно справиться.

— Где вещи?

У Ду протянул Чжэн Яню список подарков.

— Я и так провел здесь слишком много времени. Ты забирай перечень подарков, а я возьму список имен. Поговорим в другой раз. Я уйду!

Дуань Лин все ждал и ждал, но У Ду не появлялся. Может, с ним что-то случилось, подумал он, но он же в Цзянчжоу, что с ним может случиться?

Все остальные уже ушли, но Му Цин все еще стоял рядом с ним. Мысли Дуань Лина блуждали по мере того, как темнело; ранняя весна все еще была холодной, поэтому он не мог позволить Му Цину ждать вместе с ним, и в конце концов сказал:

— Давай пока просто вернемся домой, пойдем.

За ними пришел не Чан Люцзюнь, а управляющий из поместья Му. Первым делом они пошли домой, и Му Цин произнес:

— Отец сказал, что сегодня мы поужинаем вместе. У Ду, наверное, уже ждет нас.

— Я сначала переоденусь, а потом приду.

— Я буду ждать тебя.

После окончания столичных экзаменов с плеч Му Цина свалилась огромная тяжесть, и он был так счастлив, что был сам не свой.

— Давай после ужина вместе сходим куда-нибудь повеселиться. Чан Люцзюнь забронировал для нас место в Цветочном павильоне на вечер.

Дуань Лин потерял дар речи: у него самого была полная голова забот, а видеть Му Цина таким счастливым и беззаботным ему было просто завидно. Когда он думал о том, что его собственная учеба уже позади, его удивляло веселое настроение Му Цина. Но тот факт, что У Ду до сих пор не вернулся, портил настроение.

Пока Дуань Лин зашел внутрь, чтобы переодеться, Му Цин осматривал дом. Это был первый раз, когда он смог хорошо изучить дом У Ду и Дуань Лина. Преисполненный любопытства, он открыл ящики У Ду и обнаружил, что они полны лекарственных компонентов.

Дуань Лин искал одежду и, услышав шум, обернулся, чтобы взглянуть на него.

— Вы с У Ду живете в одном доме?

— Да.

— А спите вы тоже вместе?

— Да.

В голове Дуань Лина крутилась мысль о том, пойдет ли У Ду с ними в Цветочный павильон и стоит ли им сегодня выпить вместе. А как только они выпьют, он может отослать всех слуг, чтобы в комнате остались только они вдвоем. Внезапно он задался вопросом, не понял ли что-то Му Цин и не собирался ли он привести их обоих туда, и его лицо от этой мысли стало пунцовым.

Снаружи уже наступила крошечная тьма. Человек в маске пробрался мимо стен двора и

заглянул в дом с зажженными фонарями.

Под светом лампы Му Цин открыл ящики аптечки, рассматривая лежащие в ней вещи.

Вдруг в его сторону полетело лассо и обвилось вокруг шеи. Му Цин не успел произнести ни звука, как его уже дернули с такой силой, что он вылетел из комнаты — ящик, который он рассматривал, упал на пол, и лекарственные ингредиенты рассыпались по полу.

Дуань Лин завязывал пояс; на звук он обернулся, чтобы посмотреть, и вид его ужасно напугал. Он быстро выбежал из комнаты, схватил со стола маленький нож, которым измельчали лекарственные ингредиенты, и разрезал веревку на две части. Му Цин упал на пол. Человек в маске бросился на Дуань Лина. Он подбросил нож метнул его в человека в маске.

Человек в маске повернул голову, чтобы увернуться от ножа, а Дуань Лин стремительно развернулся, чтобы броситься к аптечке, но человек в маске нанес удар саблей, и Дуань Лин упал на пол, чтобы не попасть под удар. Ящики с ядовитыми порошками находились слишком далеко, поэтому все, что он мог сделать, — это забраться на стол и подпрыгнуть выше, чтобы схватить лук, висящий на стене. Развернувшись корпусом, он с размаху выпустил одну стрелу, и человек в маске рывком выбежал из дома.

— Кто там! — сурово окликнул Дуань Лин.

Меч без предупреждения вонзился ему в спину, задевая Дуань Лина по плечу, но не проникая сквозь одежду, так как клинок блокировался доспехами Белого Тигра, что удивило противника. Как только Дуань Лин оглянулся, его ударили по шее, и он упал на пол без сознания.

— Что нам делать? — спросил человек в маске на переднем дворе у человека в маске, который только что запрыгнул в окно. — Их двое?

— Возьмем их обоих, — ответил человек в маске, который пришел позже.

Один из них отвязал лассо от шеи Му Цина, чтобы оно не задушило его, а другой схватил Дуань Лина и перекинул его через плечо. Вдвоем они выбежали из дома У Ду.

<http://bllate.org/book/15657/1400657>